

§ I. Противостояние полезной стоимости и стоимости обмена

СТОИМОСТЬ — краеугольный камень экономической постройки.

Божественный создатель, который ввел нас в продолжение своего труда, ни с кем не объяснился: но по некоторым признакам можно делать предположения. На самом деле стоимость имеет две стороны: одну, которую экономисты называют *потребительской* стоимостью, или стоимостью самой по себе; другую, стоимостью *обмена*, или стоимостью мнения. Эффекты, производимые стоимостью в этом двойном аспекте, очень расплывчаты, поскольку у нее нет точки опоры, или, выражаясь более философски, поскольку стоимость не установлена официально, они полностью изменяемы таким положением.

Теперь, в чем состоит соотношение полезной стоимости со стоимостью обменной; что понимается под установленной стоимостью, и какой перипетией управляется это установление: это объект и цель политической экономии. Я прошу читателя сосредоточиться на следующем: эта глава является единственной в этой книге, которая требует от него немного доброй воли. Со своей стороны, я постараюсь быть все более простым и понятным.

Все, что может быть полезным для меня, имеет для меня стоимость, и я тем более богаче, чем больше пользы в потребляемой вещи: в этом сложность. Молоко и мясо, фрукты и семена, шерсть, сахар, хлопок, вино, металлы, мрамор, земля, наконец, вода, воздух, огонь и солнце, обладают в отношении меня стоимостью использования, стоимостью по природе и предназначению. Если бы все вещи, которые служат моему существованию, были настолько же щедрыми, как некоторые из них, как, например, свет; другими словами, если бы количество каждого вида стоимостей было неисчерпаемым, мое благополучие было бы гарантировано навсегда: мне бы не пришлось работать, я бы даже не думал об этом. В этом состоянии вещи всегда будут содержать *пользу*, но было бы неверно говорить, что они *стоят*; поскольку стоимость, как мы это вскоре увидим, означает отношение по существу социальное (общественное); и только благодаря обмену, возвращению общества к природе мы обрели понятие пользы. Все развитие цивилизации происходит, следовательно, из-за того, что человеческий вид постоянно провоцирует создание новых стоимостей, так же как первопричина общественного зла состоит в вечной борьбе, которую мы ведем против нашего собственного бездействия (инерции). Лишите человека этой потребности, которая требует от него мыслить и подталкивает его к созерцательной жизни, и мастер творчества

превратится лишь в первого из четвероногих.

Но как полезная стоимость становится стоимостью обмена? Потому что следует отметить, что эти два вида стоимостей, хотя и являются актуальными в теории (поскольку первая не осознается без второй), тем не менее поддерживают отношения преемственности: обменная стоимость является своего рода отражением полезной стоимости, поскольку богословы учат, что в троице отец, созерцая себя в вечности, порождает сына. Эта генерация идеи стоимости не была изучена экономистами с достаточным тщанием: поэтому нам важно на этом остановиться.

К тому же поскольку среди предметов, которые мне необходимы, очень большое количество встречается в природе только в ограниченном количестве, или даже вообще не встречается, я вынужден способствовать производству того, чего мне не хватает; и так как я не могу достать так много вещей, я предлагаю другим, моим коллегам в различных функциях, выделить часть их продуктов в обмен на мои. Поэтому я получу от своего конкретного продукта всегда больше, чем потребляю; так же, как равные мне будут получать от своих продуктов больше, чем используют. Это молчаливое соглашение достигается посредством *торговли*. В этом случае мы увидим, что логическая последовательность двух видов стоимости в истории выглядит намного лучше, чем в теории, и люди провели тысячи лет в оспаривании природных богатств (в том, что называется примитивным сообществом), прежде чем их промышленность привела к обмену.

Далее, способность, которой обладают все продукты природного или промышленного происхождения, используемые для обеспечения жизнедеятельности человека, называется полезной стоимостью; способность, которую они в состоянии передать от одного другому, — стоимостью обмена. По сути, это одно и то же, поскольку второй случай только добавляет к первому идею замещения, и все это может показаться бесполезным: на практике последствия оказываются неожиданными и поочередно успешными или губительными.

Таким образом, отличие, установленное в стоимости, подтверждается фактами и не является произвольным: это человек, подчиняясь этому закону, должен заставить его повернуться к выгоде своего благополучия и своей свободы. Труд, согласно красивому выражению одного автора, М. Вальраса, — это война, объявленная скупости природы; благодаря труду создаются одновременно богатство и общество. Не только труд производит несравненно больше благ (товаров), чем дает нам природа; — исходя из этого мы заметили, что одни только сапожники во Франции произвели в десять раз больше, чем объединенные шахты Перу, Бразилии и Мексики; — но работа, благодаря преобразованиям, которые она заставляет претерпевать природные ценности, расширяя и бесконечно приумножая свои права, мало-помалу случается так, что все богатство, проходя через промышленную матрицу, полностью возвращается к тому, кто его создает, и для владельца сырья ничего или почти ничего не остается.

Таков, следовательно, ход экономического развития: вначале присвоение земли и природных ценностей; затем объединение и распределение посредством работы до полного равенства. Разорения посеяны на нашем пути, меч нависает над нашими головами; но у нас есть возможность отвести все опасности; и эта возможность — всемогущество [142].

Из соотношения полезной стоимости к обменной стоимости следует, что, если случайно или по злому умыслу обмен был запрещен одному из производителей, или если полезность его продукции внезапно прекратилась, то даже при заполненных складах он ничего не обретет. Чем больше жертв он принес и доблести проявил, тем глубже будет его нищета. — Если бы полезность продукции, вместо того, чтобы вообще исчезнуть, была только уменьшена, это то, что может произойти сотнями способов: работник вместо того, чтобы быть пораженным упадком и разоренным внезапной катастрофой, был бы только обеднен; будучи вынужденным поставить большое количество своих ценностей за небольшое количество иностранных ценностей, его прожиточный минимум будет сокращен в пропорции, равной дефициту его продаж, что приведет его к переходу от достатка к обеднению. Если, наконец, полезность продукта вырастет или производство станет менее дорогостоящим, торговый баланс обернется к выгоде производителя, чье благосостояние, таким образом, может возрасти от трудоемкой ограниченности до праздного изобилия. Это явление обесценивания и обогащения проявляется в тысяче форм и в тысяче комбинаций: именно в этом состоит страстная и интригующая игра торговли и промышленности; это та полная подвохов лотерея, которая, по мнению экономистов, должна длиться вечно, и отмены которой, не осознавая этого, требует Академия гуманитарных и политических наук, поскольку под именами прибыли и заработной платы она требует соединения полезной стоимости и обменной стоимости взамен, то есть чтобы был найден способ сделать все потребительские стоимости равными обменным стоимостями, *vice versa* (наоборот), все обменные стоимости полезные равными потребительским.

Экономисты очень хорошо выделили двойной характер стоимости: но то, что им не удалось выделить так же четко, — ее противоречивую природу. Здесь начинается наша критика.

Польза — необходимое условие обмена; но отнимите обмен, и польза станет нулевой: эти два термина неразрывно связаны между собой. Где же тогда возникает противоречие?

Так как все, пока мы есть мы, существует только через труд и обмен, и мы тем более богаты, чем более мы производим и торгуем, то для каждого следует необходимость производить как можно больше потребительской ценности, чтобы еще больше увеличить свой обмен, и, следовательно, свое потребление. Ну а первый эффект, неизбежный эффект умножения стоимостей — их ПОНИЖЕНИЕ: чем больше товара, тем больше он теряет на бирже и обесценивается коммерчески. Не правда ли, существует противоречие между необходимостью труда и его результатами?

Я заклинаю читателя, прежде чем бежать впереди объяснения, остановить его внимание на факте.

Крестьянин, собравший двадцать мешков пшеницы, которую он намеревается съесть вместе со своей семьей, считает себя вдвое богаче, чем если бы он собрал только десять (мешков); — точно так же домохозяйка, которая наткала пятьдесят ярдов холста, считает себя в два раза богаче, чем если бы она наткала только двадцать пять. Относительно домашнего хозяйства они оба правы; но с точки зрения своих внешних сношений они могут ошибаться во всем. Если урожай пшеницы будет удвоен по всей стране, то двадцать мешков можно будет продать с меньшей стоимостью, чем десять, если урожай будет в половину меньше;

как и в подобном случае пятьдесят ярдов холста будут стоить меньше, чем двадцать пять. Так что стоимость уменьшается по мере увеличения производства, а производитель может прийти к бедности, постоянно обогащаясь. И кажется, что это не излечимо, так как единственным средством спасения стало бы положение, при котором промышленных товаров было бы столько же, сколько воздуха и света, — бесконечное количество, что абсурдно. Бог мой! — сказал бы Жан-Жак: это не экономисты неразумны; это сама политическая экономия неверна своим определениям: *Mentita est iniquitass ibi* (контрафакт — это грех). В приведенных выше примерах полезная стоимость превышает стоимость обмена: в других случаях она меньше. То же самое происходит, но в обратном смысле: остаток выгоднее для производителя, а потребитель теряет. Это происходит, в частности, в случае неурожая, где рост потребления всегда будет фиктивным. Есть также профессии, все искусство которых состоит в том, чтобы придавать пользе посредственность, и в отношении которых действует преувеличенное мнение: таковы, как правило, предметы роскоши. Человек, по своей эстетической страсти, бессмысленно жаден, обладание этими предметами удовлетворяет его тщеславие, врожденному вкусу к роскоши и более благородной и респектабельной любви к прекрасному: именно на это и рассчитывают поставщики таких предметов. Навязывание прихотей и нарядностей не менее отвратительно и не менее абсурдно, чем введение пошлин на движение: но этот налог взимают некоторые популярные предприниматели, которых защищает общее увлечение, и чья заслуга часто состоит в искажении вкуса и порождении непостоянства. Никто не жалуется; и все проклятия общественного мнения сохраняются для монополистов, которые силой гения умудряются поднять на несколько копеек цену холста и хлеба...

Недостаточно просто отметить этот удивительный контраст между полезной стоимостью и стоимостью обмена, в котором экономисты не привыкли видеть ничего, кроме самого простого: надо показать, что эта так называемая простота скрывает глубокую тайну, проникнуть в которую — наш долг.

Поэтому я призываю любого серьезного экономиста объяснить мне, иначе, нежели повторяя и переводя вопрос, по какой причине стоимость уменьшается с ростом производства; и взаимнообразно, что заставляет ту же самую стоимость расти одновременно с уменьшением производства. С технической точки зрения, полезная стоимость и обменная стоимость, необходимые друг другу, обратно пропорциональны друг другу: поэтому я спрашиваю, почему дефицит, а не польза, является синонимом дороговизны. Ибо, отметим как следует, взлет и падение стоимостей товаров не зависят от количества труда, затраченного на их производство; и большим или меньшим объемом издержек, которые были потрачены на их производство, невозможно объяснить изменения продаж. Стоимость капризна, как свобода: она не учитывает ни полезности, ни труда (вложенного); отнюдь не похоже, что при обычном ходе вещей, кроме определенных исключительных пертурбаций, наиболее полезными объектами всегда являются те, которые должны быть поставлены по более низкой цене; другими словами, те, кто работают с наибольшим удовольствием, получают лучшее вознаграждение, а те, кто в ходе работы проливают кровь и воду, — худшее. Так же, следуя этому правилу до получения окончательных результатов, мы пришли бы к тому самому логичному выводу в мире, что вещи, использование которых необходимо, и количество которых безгранично, бессмысленны; а те, польза которых равна нулю, и количество чрезвычайно ограничено, бесценны. Но, что еще хуже, практика не допускает

таких крайностей: с одной стороны, ни один продукт, произведенный человеком, не может достичь бесконечной величины; с другой стороны, самые редкие вещи должны быть в некоторой степени полезны, иначе они не будут иметь никакой стоимости. Таким образом, полезная стоимость и обменная стоимость неизбежно остаются связанными друг с другом, хотя по своей природе они стремятся постоянно исключать друг друга.

Я не буду утомлять читателя словопрениями, которые можно использовать для прояснения этого вопроса: не существует, что касается противоречия, присущего понятию стоимости, ни причины, ни возможного объяснения. Факт, о котором я говорю, является одним из тех, которые мы называем примитивными, то есть теми, которые могут служить для объяснения других фактов, но которые сами по себе, как тела, называемые простыми, неразрешимы. Таков дуализм разума и материи. Разум и материя — это два термина, каждый из которых по отдельности указывает на особый взгляд разума, но не реагирует на какую-либо реальность. Точно так же, учитывая потребность человека в разнообразных продуктах с обязательством производить их своим трудом, неизбежно возникает противопоставление полезной стоимости обменной стоимости; и из этой оппозиции — противоречие на пороге той же политической экономии. Никакой разум, никакая божественная и человеческая воля не могут этому помешать.

Таким образом, вместо того, чтобы искать химерическое объяснение, давайте сочтем за благо констатировать необходимость противоречия.

Независимо от обилия созданных стоимостей и пропорций, в которых они обмениваются, для того, чтобы мы обменивались нашими продуктами, необходимо, если вы *заказчик*, чтобы мой продукт вам подходил, а если вы представляете *предложение*, я одобряю ваш продукт. Потому что никто не имеет права навязывать свои товары другим: единственным судьей полезности или, что то же самое, необходимости, является покупатель. Итак, в первом случае вы являетесь арбитром соответствия; во втором — я. Уберите взаимную свободу, и обмен перестанет служить проявлением промышленной солидарности: это будет грабежом. Коммунизм, кстати, никогда не преодолет эту трудность.

Но при условии свободы производство обязательно остается неопределенным — что в количественном, что в качественном отношении; как и то, что с точки зрения экономического прогресса, а также соответствия ожиданиям потребителей, оценка всегда остается произвольной, и цена товара всегда будет плавающей. Предположим на мгновение, что все производители торгуют по фиксированной цене: найдутся те, кто, производя дешевле или производя лучше, много выиграет, а остальные ничего не получат. В любом случае баланс нарушен. — Хотим ли мы, — чтобы противостоять стагнации торговли, — ограничить производство? Это насилие над свободой: потому что, лишив меня права выбора, вы заставляете меня платить максимум; вы уничтожаете конкуренцию, единственную гарантию дешевизны и провоцируете контрабанду. Таким образом, чтобы предотвратить коммерческий произвол, вы попадете в административный произвол; чтобы создать равенство, вы уничтожите свободу: это отрицание самого равенства. — Соберете ли вы производителей в одном цеху, — полагаю, вам известен этот секрет? — этого еще недостаточно: вам также придется собрать потребителей в общем домохозяйстве: но тогда вы оставите вопрос. Речь идет не об отмене идеи стоимости, что столь же невозможно, как

отмена работы, но о ее определении; речь идет не об уничтожении индивидуальной свободы, но о ее социализации. Теперь доказано, что именно свободная воля человека порождает противостояние между полезной стоимостью и обменной стоимостью: как устранить это противостояние, пока остается свободная воля? И как пожертвовать этим, не жертвуя человеком?...

Таким образом, только благодаря этому, будучи свободным покупателем, я оцениваю свою потребность, сужу о пригодности объекта, сужу о цене, которую я хочу заплатить; и, с другой стороны, благодаря этому вы, будучи свободным производителем, владеете средствами производства, и, следовательно, у вас есть возможность сокращать свои расходы, стоимость становится произвольной и колеблется между полезностью и мнением.

Но это колебание, прекрасно обозначаемое экономистами, является не чем иным, как следствием противоречия, которое, будучи выраженным в широком масштабе, порождает самые неожиданные явления. Три года плодородия в некоторых губерниях России являются общественным бедствием; так же, как на наших виноградниках три года изобилия являются бедствием для винодела. Я хорошо знаю, что экономисты связывают это с отсутствием точек продаж; но это еще большой вопрос — в точках ли продаж проблема. К сожалению, то же самое относится и к теории точек продаж, и к теории эмиграции, которые противопоставлялись Мальтусу; это объявление принципа. Страны с лучшим обеспечением точками продаж подвержены перепроизводству так же, как и страны с худшим обеспечением, более изолированные страны: где падение и рост известны более, чем на биржах Парижа и Лондона?

Из колебания стоимости и вызванных ею нерегулярных последствий социалисты и экономисты, каждые со своей стороны, пришли к противоположным, но в равной степени ошибочным результатам: первые предприняли попытку оклеветать политическую экономию и исключить ее из общественных наук; другие — чтобы отвергнуть любую возможность примирения между терминами и утвердить в качестве абсолютного закона торговли несоизмеримость стоимостей, привносящую неравенство состояний.

Я говорю, что обе стороны одинаково ошибаются.

1.

Идея противоречия стоимости, столь хорошо подчеркнутая неизбежным различием потребительской стоимости и обменной стоимости, происходит не из ложного восприятия ума, не из порочности терминологии, не из каких-либо отклонений от практики: она тесно связана с природой вещей и основана как категория на разуме как главной форме мышления. Теперь, из того, что понятие стоимости является отправной точкой политической экономики, следует, что все элементы науки, — я использую слово «наука» опережающим образом, — противоречивы сами по себе и противоположны друг другу, так что по каждому вопросу экономист оказывается между одинаково неопровержимыми утверждением и отрицанием. В конце концов, АНТИНОМИЯ, если использовать это в рамках современной философии, является фундаментальным символом политической экономики, то есть одновременно и смертным приговором, и оправданием.

Антиномия, буквально анти-закон, означает оппозицию в принципе или антагонизм в учете, как противоречие или нелогичность указывают на оппозицию или противоречие дискурса. Антиномия, прошу прощения за углубление в детали схоластики, хотя и все еще не известные большинству экономистов, антиномия — это концепция двустороннего закона, одна из сторон которого положительная, другая — отрицательная: таков, например, закон, называемый *притяжением*, который заставляет планеты вращаться вокруг Солнца и который геометры разложили на центростремительную силу и центробежную силу. Такова же проблема делимости материи на бесконечности, которая, как показал Кант [143], может быть отвергнута и подтверждена поочередно одинаково правдоподобными и неопровержимыми аргументами.

Антиномия лишь отражает факт и настоятельно навязывает разуму: собственное противоречие — абсурд. Это различие между антиномией (*contra-lex*) и противоречием (*contra-dictio*) показывает, в каком смысле можно сказать, что в определенном порядке идей и фактов аргумент противоречия имеет лишь математическое значение.

В математике существует правило, согласно которому если утверждение оказывается ложным, то противоположное утверждение истинно, и наоборот. Это великий прием математической демонстрации. В социальной экономике это правило не работает: так, мы увидим, например, что существование собственности отрицает общественное владение, и, следовательно, общность, в обратном порядке, теряет истинность, но она отрицаема в то же время и в том же качестве, что и собственность. Следует ли из этого, как было заявлено с нелепым пафосом, что вся истина, вся идея проистекают из противоречия, то есть из чего-то, что утверждает себя и отрицает себя одновременно и с одной и той же точки зрения, и что следует забросить как можно дальше старую логику, которая делает противоречие признаком ошибки? Эта болтовня достойна софистов, которые без веры и совести пытаются увековечить скептицизм, чтобы сохранить свою нахальную бесполезность. Как антиномия, при том, что ее неправильно поняли, безошибочно приводит к противоречию, мы принимаем их друг за друга, особенно на французском языке, на котором принято судить обо всем по последствиям. Но ни противоречие, ни антиномия, которую анализ обнаруживает в основе любой простой идеи, не являются принципом истины. Противоречие всегда является синонимом ничтожности (отсутствия); что касается антиномии, которую иногда называют тем же именем, то она на самом деле является предвестником истины, которую она наполняет, образно говоря, материей; но она не является истиной, и, рассматриваемая сама в себе, она является действенной причиной беспорядка, в чистом виде ложью и вредом.

Антиномия состоит из двух терминов, необходимых друг другу, но всегда противоположных и стремящихся уничтожить друг друга. Я едва осмелюсь добавить, но мы должны сделать этот шаг, чтобы первый из этих терминов получил название *тезис*, позиция, а второй — *анти-тезис*, контр-позиция. Этот механизм сейчас настолько известен, что он скоро, надеюсь, появится в учебной программе начальных школ. Позже мы увидим, как из комбинации этих двух нулей возникает единство или идея, которая заставляет антиномию исчезнуть.

Таким образом, в стоимости нет ничего полезного, что нельзя обменять, ничто нельзя обменять, если оно бесполезно: полезная стоимость и обменная стоимость неразделимы. Но

в то время, как в результате развития промышленности спрос меняется и бесконечно увеличивается; производство, следовательно, стремится увеличивать естественную полезность вещей и, в конечном счете, превращать любую полезную стоимость в меновую стоимость; — с другой стороны, производство, непрерывно увеличивающее мощность своих средств и снижающее свои затраты, стремится уменьшать продаваемость вещей: так же, как находятся в постоянной борьбе полезная стоимость и меновая стоимость.

Эффекты этой борьбы известны: торговые и сбытовые войны, перепроизводства, стагнации, запреты, зверства конкуренции, монополия, снижение заработной платы, законы максимумов, подавляющее неравенство состояний, нищета проистекают из антиномии стоимости. Да освободят меня от демонстрации всего этого здесь, поскольку она появится, естественно, в следующих главах.

Социалисты, справедливо требуя положить конец этому антагонизму, ошибались, игнорируя источник и видя в нем только неправильное понимание здравого смысла, которое можно исправить указом государственной власти. Отсюда этот взрыв грустного идиотизма, который сделал социализм настолько неспособным для позитивного восприятия и который, распространяя самые абсурдные иллюзии, до сих пор постоянно производит так много одураченных. В чем я обвиняю социализм, появившийся небеспричинно; так это в том, что он остается так долго и так упрямо глупым.

2.

Но экономисты не менее серьезно заблуждались, когда заведомо отклоняли, именно в силу противоречивых данных, или, точнее сказать, противоречия стоимости, любую идею и любую надежду на реформу, даже не желая понять, что как раз при достижении обществом периода наивысшего антагонизма неизбежным становится наступление примирения и гармонии. Все-таки тщательное изучение политической экономии повлияло бы на его последователей, если бы они больше учитывали вопросы современной метафизики. Всем тем, что человеческому разуму известно наиболее позитивного, было продемонстрировано, что там, где проявляется антиномия, появляется обещание разрешения условий и, следовательно, объявление трансформации. Иными словами, понятие стоимости, как оно было раскрыто, в частности, г-ном Ж.-Б. Сэем, относится именно к этому случаю. Но экономисты, отсталые по большей части и, по непостижимой фатальности чуждые философскому движению, не осмеливались предполагать, что противоречивый характер или, как они говорили, вариативность стоимости, в то же время являются подлинным признаком ее конституционности, я имею в виду ее чрезвычайно гармоничную и определяемую природу. К позору различных экономических школ несомненно, что их оппозиция социализму исходит исключительно из этой ложной концепции их собственных принципов; достаточно одного доказательства из тысячи.

Академия наук, превысив однажды свои полномочия, устроила чтение записок, в которых было предложено рассчитать таблицы стоимостей для всех товаров, приходящихся в среднем на одного человека в течение одного рабочего дня по каждой отрасли промышленности. *«Экономический журнал»* (август 1845 г.) немедленно взял текст этого сообщения, противный его взору, чтобы протестовать против предложенного тарифа,

который был предметом записок, и восстановить то, что он назвал истинными принципами.

«Не существует, — сообщал он в своих заключениях, — единицы измерения стоимости, стандарта стоимости; это экономическая наука говорит — так же, как математическая наука говорит нам, что не существует вечного двигателя и квадратуры круга, и что эта квадратура и этот двигатель никогда не обнаружатся. Поэтому, если не существует стандарта стоимости, если единица измерения стоимости не более, чем метафизическая иллюзия, каково в конечном итоге правило, регулирующее обмена?. Это, как уже было сказано, *предложение и спрос*, — вот последнее слово науки».

Но как «*Экономический журнал*» доказал, что нет единицы измерения стоимости? Я воспользуюсь этим употребляемым термином: я покажу в свое время, что это выражение, *единица измерения стоимости*, подозрительно и не передает в точности то, что мы хотим и что мы должны сказать.

Этот журнал повторял, сопровождая примерами, утверждение об изменчивости стоимости, которое мы привели выше, но не делая вывода, как мы, о существовании противоречия. Теперь, если бы уважаемый редактор, один из самых выдающихся экономистов школы Сэя, располагал бы более серьезными диалектическими привычками; если бы он долго тренировался не только в наблюдении за фактами, но и в поисках их объяснения в идеях, которые их порождают, я не сомневаюсь, что он выражался бы более сдержанно, и что вместо того, чтобы видеть в изменчивости стоимости *последнее слово науки*, он увидел бы в нем первое слово. В размышлениях о том, что изменчивость стоимости происходит не от вещей, а от ума, он сказал бы себе, что, поскольку свобода человека имеет свой закон, стоимость также должна иметь свой собственный; следовательно, нет ничего иррационального в гипотезе единицы измерения стоимости, поскольку, наоборот, отрицание этой единицы нелогично, безосновательно.

В самом деле, почему идея измерить и, следовательно, зафиксировать стоимость претит науке? Все верят в эту фиксацию; все хотят ее, ищут ее, предполагают: каждое предложение о продаже или покупке — это, в конечном счете, не что иное, как сравнение двух стоимостей, то есть более или менее справедливое, если хотите, но эффективное ее определение. Мнение человечества о разнице, существующей между реальной стоимостью и стоимостью в продаже, можно сказать, единодушно. Это то, что заставляет продавать так много товаров по фиксированной цене; есть даже такие товары, стоимость которых, даже во всех вариациях, всегда фиксированная: таков хлеб. Никто не отрицает, что, если два производителя могут взаимнообразно отгрузить по установленной цене соответствующие количества их продуктов, то десять, сто, тысяча производителей не смогут сделать то же самое. Однако именно это решило бы проблему измерения стоимости. Я согласен, что стоимость всего обсуждаема, потому что обсуждение все еще является для нас единственным способом установить стоимость; но, в конце концов, поскольку весь мир исходит от потрясения, обсуждение, хотя и является доказательством неопределенности, нацелено, более или менее добросовестно, на обнаружение взаимосвязи стоимостей, то есть их измерение, их закон.

Рикардо [144] в своей теории ренты дал великолепный пример соизмеримости стоимостей. Он показал, что стоимости пахотных земель относятся друг к другу так же, как стоимости

урожаев с этих земель; и универсальная практика в этом согласуется с теорией. Тогда кто скажет нам, что этот положительный и верный способ оценки земли и вообще всего задействованного капитала не может распространяться так же на продукты?...

Говорят: политическая экономия не регулируется предположениями; она высказывается только о свершившихся фактах. Значит, это факты, это опыт, который учит нас тому, что не существует и не может существовать измерение стоимости, и который доказывает, что если такая идея возникла естественным путем, ее реализация — полная химера. Предложение и спрос — единственное правило торговли.

Я не буду повторять, что опыт доказывает ровно обратное; что все в экономическом движении общества указывает на тенденцию к формированию и закреплению стоимости; что это является кульминацией политической экономии, которая в соответствии с этим формированием трансформируется и является высшим признаком порядка в обществе: это общее суждение, повторенное без доказательств, будет скучным. На данный момент я ограничиваюсь условиями обсуждения и говорю, что *предложение* и *спрос*, которые, как утверждается, — единственное, что регулирует стоимость, являются не чем иным, как двумя церемониальными формами, служащими для того, чтобы установить существование полезной стоимости и стоимости обмена, и добиться их примирения. Это два электрических полюса, соединение которых должно вызывать феномен экономической близости, называемый ОБМЕНОМ. Подобно полюсам стека (прута), предложение и спрос диаметрально противоположны и постоянно стремятся уничтожить друг друга; именно благодаря их антагонизму цена вещей либо возрастает, либо уменьшается: поэтому мы хотим знать, нет ли возможности в любом случае уравновесить или заставить потесниться эти две силы таким образом, чтобы цена вещей всегда являлась выражением истинной стоимости, выражением справедливости. Сказать после этого, что предложение и спрос являются правилом обменов, значит сказать, что предложение и спрос являются правилом предложения и спроса; это не объяснение практики, это объявление ее абсурдной, и я отрицаю, что практика абсурдна.

Ранее я ссылался на Рикардо, который предоставил, для частного случая, положительное правило сравнения стоимостей: экономисты поступают еще лучше; каждый год они составляют статистические таблицы, средние значения всей торговли. В чем смысл средних значений? Все понимают, что в конкретной операции, взятой случайным образом из миллиона, ничто не может указать — предложение ли, полезная стоимость соответствуют ему (этому среднему значению), или обменная стоимость, то есть спрос. Но поскольку любое увеличение цены товара рано или поздно сопровождается пропорциональным падением; поскольку, иными словами, в обществе доходы от ажио [145] равны затратам, поэтому можно правильно оценить средние цены за полный период в качестве указания на реальную и справедливую стоимость продуктов. Это среднее значение, правда, появляется слишком поздно: но кто знает, можем ли мы заранее обнаружить его? Существует ли экономист, который осмелится сказать «нет»?

Нравится нам это или нет, мы должны искать меру стоимости: логика этого требует, и ее выводы одинаково годятся и против экономистов, и против социалистов. Мнение, которое отрицает существование этой меры (стоимости), является иррациональным, необоснованным. Скажите, если хотите, с одной стороны, что политическая экономия — это

наука о фактах, а факты противоречат гипотезе определения стоимости; — с другой стороны, что этот щепетильный вопрос больше не имеет места в универсальном объединении, которое поглотило бы весь антагонизм: я всегда отвечаю, правым и левым:

1) Как нет факта, не имеющего своей причины, так же нет и факта, не имеющего своего закона; и что если не найден закон обмена, то ошибка кроется не в фактах, а в ученых;

2) До тех пор, пока человек будет работать, чтобы существовать, и будет работать свободно, справедливость будет условием братства и основой объединения: следовательно, без определения стоимости справедливость невозможна.

Версия #1

Зверобой создал 14 марта 2025 02:40:42

Зверобой обновил 14 марта 2025 02:43:07